

предписания закона, относившиеся к ним, например, об обязательной милостыне и видах ее, о купле, лихоимстве, о мерах ограничения и наказания, и все это казалось ему странным, все казалось излишним.

Он сказал себе: если бы люди поняли истинную сущность вещей, то, конечно, они отвернулись бы от этих пустяков и обратились бы к истине, и все это стало бы им ненужным, ибо тогда ни у кого не было бы частной собственности, с которой спрашивают узаконенную милостыню и за воровство которой отрубает руки, а за открытый грабеж лишают жизни. Мыслил же он так потому, что полагал, что все люди обладают высокими врожденными свойствами, пронизательным умом, твердой душой; он не знал их вялость, недостатки, скудоумие и слабование, не знал, что они, "как скот, нет, более чем скот, сбились с дороги"»¹.

Попытки Хаййя объяснить людям, привыкшим к религии, открытые им истины потерпели неудачу. Он убедился, что философия им непонятна и недоступна. Потерпев неудачу, Хайй решил, что надо оставить людей с их привычными верованиями: «...для этих простодушных и недалеких людей нет иного пути к спасению ...если и поднять их до высот умозрительного размышления, то разрушится то, чего они держались, но и степени счастливых достичь им будет не по силам. Они придут в волнение, смутятся и найдут нехороший конец. Если же они останутся с прежними верованиями до самой смерти, то обретут спасение...»²

Отказ Хаййя от попыток раскрыть людям истину, приобщить их к философии выразил пессимистичность взгляда Ибн Туфейля на возможность широкого просвещения.

Небольшой роман Ибн Туфейля — своеобразная квинт-эссенция социальных, философских и этических проблем, которые были поставлены его предшественниками. Однако он не просто суммирует их выводы. Так, в суждении о соотношении философского знания и религиозной веры

¹ Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. С. 390.

² Там же. С. 393.